

На правах рукописи

АЖИГУЛОВА Альбина Исламовна

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х — 1930-е гг.**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Оренбург 2019

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Научный руководитель **Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна,**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Корнилов Геннадий Егорович,**
доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором экономической истории
Института истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук

Чернышева Наталья Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и политических наук
ФГБОУ ВО «Вятский государственный
университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»**

Защита состоится 29 ноября 2019 г. в 11.00 на заседании объединенного совета Д 999.200.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» по адресу: 460014, Оренбург, ул. Советская, 19, ауд. 333.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» и на официальном сайте университета по адресу: <https://ospu.ru/resources/users/nauka/Dissertaciya%20Azhigulova%20A.I..pdf>.

Автореферат разослан _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С. А. Заельская

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена нестабильностью в демографическом развитии России, причинами которой являются последствия тяжелой социально-экономической ситуации государства в период распада СССР и кризиса 1990-х гг. Демографическая яма, ставшая результатом событий 1990-х гг., привела к сокращению рождаемости и росту смертности, в том числе и на территории Южного Урала. Современный курс государственной политики направлен на совершенствование в сфере защиты детства и опирается на результаты реализации национального проекта «Демография»¹ и Национальной стратегии 2012—2017 гг. Указом Президента РФ 2018—2027 гг. в России объявлены Десятилетием детства². Была увеличена материальная поддержка многодетных семей, продлено действие программы «Материнский капитал», расширена сеть здравоохранения и социальной помощи, благодаря этому снижены показатели материнской и младенческой смертности³. Майским Указом Президента России предусмотрена Демографическая программа до 2024 г., в которой ставится задача увеличения средней продолжительности жизни до 78 лет⁴. Несмотря на ряд действенных шагов, демографическая проблема сохраняется. В связи с этим изучение демографических процессов во второй половине 1920-х — 1930-е гг. на Южном Урале обусловлено исторической необходимостью.

Рассмотрение данной проблемы в историческом плане может способствовать решению ряда вопросов с опорой на опыт предыдущих лет. Анализ демографических процессов во второй половине 1920-х — 1930-е гг. на региональном уровне позволит оценить положительные и отрицательные шаги советского государства в вопросах увеличения народонаселения и сохранения здоровья нации.

Объектом исследования является население Южного Урала.

Предмет исследования — демографические процессы на Южном Урале в 1926—1939 гг.

¹ Паспорт национального проекта «Демография» утвержден решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 24.06.2019).

² Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения 24.06.2019).

³ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации за 2018 год / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 24.06.2019).

⁴ Указ Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (дата обращения 24.06.2019).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1926 по 1939 г. В качестве отправной точки исследования избрана Всесоюзная перепись населения, проведенная 17 декабря 1926 г. В этом же году состоялась XV конференция ВКП(б), на которой обсуждались новые этапы социалистического строительства, включая курс на индустриализацию. Окончание исследуемого периода связано с последней предвоенной Всесоюзной переписью населения, проведенной 17 января 1939 г. В Москве на XVIII съезде ВКП(б) обсуждался третий пятилетний план. Исследуемый период явился сложным этапом развития экономической, политической и социальной сфер СССР, который повлиял на демографические процессы.

Территориальные рамки исследования включают три субъекта южноуральского региона с учетом административно-территориальных изменений, происшедших в данный период: Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика (БАССР) образована 20 марта 1919 г.; Челябинская область выделена из состава Уральской области 17 января 1934 г., Оренбургская область — из Средне-Волжского края 7 декабря 1934 г. 26 декабря 1938 г. Оренбург переименовали в Чкалов, а Оренбургскую область — в Чкаловскую¹.

Степень изученности проблемы. Историографию проблемы можно рассматривать в рамках двух качественно различных этапов — советского и современного (постсоветского). Советский этап (с 1926 г. и до конца 1980-х — начала 1990-х гг.) характеризуется различным уровнем доступа исследователей к источникам, отношением власти к освещению данной тематики, подходами к изучению проблемы. Второй этап, современный (постсоветский), начинается с конца 1980-х — начала 1990-х гг. и продолжается до наших дней, отличается более широким доступом историков к ранее недоступным для изучения архивным материалам, плюрализмом мнений исследователей, возможностью обсуждения ранее запрещенных тем. На протяжении советского этапа изучение демографических процессов находилось под строгим контролем. Первые попытки объективно осветить эти проблемы связаны с политикой «перестройки» и приходятся на вторую половину 1980-х гг.

Исследования советских демографов 1920—1930-х гг. сводились в основном к описанию рождаемости и смертности, обоснованию динамичности этих процессов. Декретом 1920 г. была легализована процедура прерывания беременности — аборт, поэтому возрастает общественный интерес к данному вопросу², большое значение придается охране материнства и детства³. К этому периоду относится деятельность

¹ Сведения о территориально-административном изменении и списки населенных мест области за 1935 г. и по 1 января 1936 г. Протокол № 1. Заседание Административной комиссии при Президиуме Оренбургского облисполкома // ГАОО. Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 863. Л. 2.

² Лебедева В. П. Итоги и перспективы охраны материнства и младенчества // Труды III Всесоюзного съезда по охране материнства и младенчества. Москва, 1—8 декабря 1925 г. М., 1926. С. 11—34; Генс А. Проверка нашей политики по вопросу об абортах // Там же. С. 88—95.

³ Шевченко В. 3-е Всесоюзное совещание по охране материнства и младенчества // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1926. Т. IV, № 2. С. 163—167; Резолюции по докладом

журналов «Вестник статистики» (основан в 1919 г.), «Бюллетень Центрального статистического управления» (1919—1926 гг.), «Статистическое обозрение» (1927—1930 гг.), в которых публиковались статьи, материалы текущей статистики, официальные цифры ЦСУ, результаты работ статистических конференций и совещаний при ЦСУ¹. Существенный вклад в изучение демографии населения 1920-х гг. внесли работы Г. А. Баткиса, им была дана оценка динамики численности населения, смертности, рождаемости и т.д.²

Выводы демографов в первое десятилетие советской власти опирались на последствия Первой мировой войны, революции 1917 г., т.е. естественная убыль населения обосновывалась объективными внешними факторами. В 1930-е гг. исследователи должны были показать достижения второго десятилетия существования советской власти, в первую очередь рост численности населения. В этот период система государственной статистики полностью подчиняется Госплану, растет влияние идеологии на статистику. В докладе И. Сталина на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. народонаселение СССР было оценено в 168 млн. человек³. Согласно плану второй пятилетки народонаселение СССР к концу 1937 г. должно было составить 180,7 млн. человек⁴. На данном этапе преувеличивался естественный прирост, давались неквалифицированные прогнозы и оценки численности населения⁵. Результаты переписи 1937 г. показали, насколько далека была оценка от реальности. Перепись населения 1937 г. признали дефектной, и до 1980-х годов о ней замалчивалось в официальной литературе. Первые публикации результатов «опальной» переписи появились в конце XX в.⁶ Последней предвоенной переписью считается перепись 1939 г., в годы «оттепели» выходит комплексный сборник с результатами двух советских переписей 1926 и 1939 гг.⁷

на совещании заведующих отделениями охраны материнства и младенчества (1—6 янв. 1928 г.). [Деревня] // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1928. Т. VII, № 3. С. 287—288; Генс А. Б. V Всероссийское совещание по охране материнства и младенчества (10—14.IV.1931) // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1931. Т. XI, № 9—10. С. 388—399.

¹ Отчет о работах первой статистической конференции при ЦСУ, состоявшейся 19—24 октября 1924 г. // Вестн. статистики. 1925. № 1. С. 183—220; Вопросы переписей 1926 года. Доклад В. Г. Михайловского. О порядке и сроках проведения демографической переписи // Бюллетень ЦСУ. 1925. № 110. С. 83—100; Демографическое совещание при секторе социальной статистики ЦСУ 8—9 января 1930 г. // Статистическое обозрение. 1930. № 1. С. 123—124.

² Баткис Г. А. К вопросу о вычислении среднего возраста при статистических и демографических исследованиях // Социальная гигиена. 1927. № 1. С. 82—86; Его же. I. Очерки по статистической методологии. II. Метод изохрон. III. Изучение плодовитости // Социальная гигиена. 1928. № 2-3. С. 19—37; Его же. Очерки по статистической методологии. IV. Изучение смертности // Социальная гигиена. 1928. № 4. С. 20—33.

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 336.

⁴ Второй пятилетний план. Т. 1. М., 1935. С. 503.

⁵ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993. С. 23—29.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Сборник статистических материалов 1990 г. / Госкомиздат СССР. Информ.-издат. центр. М., 1991. С. 3—51.

⁷ Численность населения СССР с подразделением на городское и сельское по СССР, союзным республикам, численность населения городов с населением свыше 50 тыс. человек // Правда.

В свете событий последующих десятилетий — рост политических репрессий, расширение территории СССР, Великая Отечественная война — общество претерпевает ряд демографических катастроф. Изучение демографических событий ограничивается официальными цифрами.

Следующим важным этапом в изучении демографии следует считать годы «оттепели». В это время уделяется внимание отдельным аспектам народонаселения¹, таким как социальное положение, оценка роста сельского населения². В 1960-е гг. возникает дискуссия о самом предмете демографической науки. Выделяются труды А. Г. Волкова³, М. С. Бедного⁴, изучавших медицинскую демографию. В. Б. Жиромская делает акцент на докладе А. Я. Кваши⁵ на Международном симпозиуме в Варне в 1968 г. как попытку обобщить закономерности воспроизводства населения страны в целом⁶.

В 1970-е гг. продолжается изучение воспроизводства населения. Появляются фундаментальные работы, монографии, посвященные рассмотрению типов воспроизводства, анализу народонаселения СССР в целом и отдельных союзных республик⁷. Выделяются работы С. К. Большаковой⁸, А. Г. Вишневого⁹, А. Я. Кваши¹⁰, Р. И. Сифман¹¹, Б. Ц. Урланиса¹², Г. А. Бондарской¹³, И. П. Ильиной¹⁴, С. А. Новосельского¹⁵.

1939. 3 июля; Возрастной состав, грамотность, уровень образования и распределение населения СССР по общественным группам // Правда. 1940. 29 апр.; Численность наличного населения СССР и распределение его по полу, а также на городское и сельское по переписям на 17 декабря 1926 г. и на 17 января 1939 г. Возрастной состав, грамотность и уровень образования населения по переписи 1939 г. // Вестн. статистики. 1956. № 6. С. 89—90.

¹ Баткис Г. А. Вопросы санитарной и демографической статистики. М., 1964.

² Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду. М., 1962; Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

³ Волков А. Г. Проблемы демографической статистики. М., 1966.

⁴ Бедный М. С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967; Его же. Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. М., 1972.

⁵ Кваша А. Я. Этапы демографического развития СССР // Факторы рождаемости. М., 1971.

⁶ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 280.

⁷ Население СССР, 1973 : стат. сб. М., 1975; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977.

⁸ Большакова С. К. К проблеме демографического районирования // Продолжительность жизни. М., 1974.

⁹ Вишневский А. Г. Демографические революции // Вопр. философии. 1973. № 2. С. 53—64; Демографические процессы в СССР // Вопр. философии. 1973. № 9. С. 115—127.

¹⁰ Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

¹¹ Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

¹² Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

¹³ Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М., 1977.

¹⁴ Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. М., 1977.

¹⁵ Новосельский С. А. Демография и статистика: Избр. произведения. М., 1978.

Изучение демографических процессов 1920—1930-х гг. вышло на новый уровень в 1980-е гг. в связи с открытием доступа к засекреченным архивным источникам о раскулачивании, репрессиях, голоде 1932—1933 гг. Появились сведения о переписи 1937 г., статистических отчетах рассматриваемого периода. Среди работ 1980-х гг. следует выделить статьи В. В. Цаплина¹, который, опираясь на архивный материал, представил подробный анализ численности населения. Интерес представляют труды В. И. Козлова², А. Б. Синельникова³, А. Г. Вишневского и Л. Кузнецовой⁴, А. Г. Волкова⁵. В последующие 1990-е гг., объективная оценка доступных засекреченных материалов 1930-х гг. позволила историкам разделить области исследований: изучению переписей 1926, 1937, 1939 гг. посвятили свои труды В. Б. Жиромская⁶, Ю. А. Поляков⁷, И. Н. Киселев, А. Г. Волков⁸; динамики народонаселения — Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова⁹; депортации — Н. Ф. Бугай¹⁰; последствия раскулачивания и репрессий изучал В. Н. Земсков¹¹; потери населения в период голода 1932—1933 гг. — И. Е. Зеленин¹², Н. А. Арало-

¹ Цаплин В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // *Вопр. истории*. 1991. № 4-5. С. 157—163; Его же. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // *Вопр. истории*. 1989. № 4. С. 175—181.

² Козлов В. И. Динамика национального состава населения СССР и проблемы демографической политики // *История СССР*. 1983. № 4. С. 20—22.

³ Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989.

⁴ Вишневский А. Г., Кузнецова Л. Люди или население? // *В человеческом измерении*. М., 1989. С. 207—225; Вишневский А. Г. Трудное возрождение демографии // *Социол. журн*. 1996. № 1/2. С. 93—116.

⁵ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986.

⁶ Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // *История СССР*. 1990. № 4. С. 84—104; Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Население СССР по переписям 1937 и 1939 гг. // *Комплексный подход к изучению социальной структуры: Источники и методы* : сб. науч. тр. М., 1991; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992.

⁸ Волков А. Г. Из истории переписи населения 1937 года // *Вестн. статистики*. 1990. № 8. С. 45—56.

⁹ Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926—1941 (краткие результаты исследования) // *Вестн. статистики*. 1990. № 7. С. 34—47; Их же. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993.

¹⁰ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов в 30—40-е годы // *История СССР*. 1989. № 6. С. 135—144; Его же. «По сведениям НКВД были переселены...». Киев, 1992; Его же. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

¹¹ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // *Социол. исследования*. 1991. № 10. С. 4—10; Его же. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // *Социол. исследования*. 1991. № 2. С. 74—75; Его же. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

¹² Зеленин И. Е. Был ли голод 1932—1933 гг. «организованным» («рукотворным»)?; Трагедия советской деревни. Т. 3 // *Уч. записки Донского юрид. ин-та*. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 18.

вещ¹; анализ трансформации крестьянской семьи в 1920—1950-е гг. — О. М. Вербицкая²; события коллективизации рассматривал Н. А. Ивницкий³. Среди зарубежных трудов следует обратить внимание на работы Р. Дэвиса и С. Уиткрофта⁴, Р. Конквеста⁵, изучавших причины голода 1932—1933 гг.; оценка результатов репрессий, социальной истории представлена в работах Ш. Фицпатрик⁶; рынок снабжения в период индустриализации изучала Е. А. Осокина⁷.

Среди современных исследователей выделяются В. В. Кондрашин⁸, изучающий голод 1932—1933 гг., и Г. Е. Корнилов⁹, ряд трудов которого посвящен демографии Урала. Материалы переписей 1930-х гг. изучали А. Г. Волков и А. Г. Вишневский¹⁰. Особый интерес представляют труды В. Б. Жиромской¹¹, в которых дан подробный анализ демографических событий XX века в стране. Важным вкладом в

С. 294—316; Его же. Кульминация «большого террора» в деревне: Зигзаги аграрной политики (1937—1938) // *Отеч. история*. 2004. № 1. С. 97—111.

¹ Араловец Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии. М., 1995.

² Вербицкая О. М. Крестьянская семья в 20—50-е годы // *Население России в 1920—1950 гг.: численность, потери, миграция* : сб. науч. тр. М., 1994. С. 114—156.

³ Ивницкий Н. А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // *Судьбы российского крестьянства*. М., 1995. С. 249—297; Его же. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.) / *Ин-т рос. истории РАН, Ун-т г. Торонто*, 2000. С. 172. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3590309> (дата обращения 24.06.2019).

⁴ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931—1933. М., 2011.

⁵ Конквест Р. Жатва скорби // *Новый мир*. 1989. № 10. С. 179—200.

⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008.

⁷ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 2008.

⁸ Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Его же. Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М., 2011; Его же. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1934 гг.). М., 2014.

⁹ Корнилов Г. Е. Демографическая структура сельского населения Урала (по данным все-союзных переписей населения 1926 и 1939 гг.) // *Социально-демографическое развитие уральского села* : сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 37—44; *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург, 1993; Его же. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 3. С. 80—89; Его же. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 4. С. 60—66; Его же. Демографические катастрофы в XX веке на Урале // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2016. № 1. С. 490—502.

¹⁰ Воспроизводство населения СССР / А. Г. Волков [и др.] ; под ред. А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова. М., 1983; *Демографическая модернизация России, 1900—2000* / под ред. А. Вишневского. М., 2006.

¹¹ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Ее же. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

разработку демографической истории являются работы А. И. Репинецкого¹, Н. В. Чернышевой².

В последнее время выходят исследования о демографических процессах как общесоюзного характера, например Д. А. Кирилловой³, так и регионального, например Р. Р. Хасановой⁴ и Ю. В. Войнаровской⁵. Появляются комплексные труды, посвященные изучению демографии: «Демографические исследования»⁶, библиографический справочник В. М. Моисеенко⁷.

На региональном уровне выделим исследования башкирских ученых Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой, Н. К. Шамсутдиновой⁸. Изучению региональной

¹ Репинецкий А. И. Работники промышленности Поволжья: демографический состав, образовательный и профессиональный уровень. 1946—1965 гг. Самара, 1999; Его же. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1. М., 2005; Репинецкий А. И., Румянцева М. А. Городское население Среднего Поволжья. 1945—1965. Очерки демографической истории. Самара, 2005; Репинецкий А. И. Оренбургский край на страницах переписей населения первой половины XX века // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Оренбург, 2018. С. 43—47.

² Чернышова Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; Ее же. Влияние миграций на численность и состав городского населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений России и СНГ : сб. ст. VII Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2016. Т. 1. С. 138—143; Чернышева Н. В., Чернышев К. А. Характеристики рождаемости в Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 144—149; Чернышева Н. В. Миграции населения Кировской области в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Демографическая история России и регионов : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 108—119; Ее же. Национальный состав населения Волго-Вятского региона в 1939—1959 гг. (по данным переписей) // Кубанские исторические чтения : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019. С. 202—207.

³ Кириллова Д. А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы (по материалам текущего учета ЦУНХУ Госплана СССР 1933—1940 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005.

⁴ Хасанова Р. Р. Региональные особенности смертности населения в трудоспособном возрасте (на примере Республики Башкортостан) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013.

⁵ Войнаровская Ю. В. Население малых городов Поволжья в 1921—1936 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Самара, 2009; Войнаровская Ю. В., Алексеенко Е. В. Демографическая ситуация в 1920—1930-е годы (на примере малых городов Поволжья) // Исторические исследования : материалы II Междунар. науч. конф. Чита, 2013. С. 3—5.

⁶ Историческая демография : сб. статей / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М., 2008. (Демографические исследования. Вып. 14).

⁷ Социально-экономические проблемы народонаселения в российской литературе 1914—1941 гг. : библиографический справочник / сост. В. М. Моисеенко. М., 2013.

⁸ Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 1 / отв. ред. Р. М. Валиахметов, Г. Ф. Хилажева. Уфа, 2014; Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2 / отв. ред. Р. М. Валиахметов, Г. Ф. Хилажева, Н. К. Шамсутдинова. Уфа, 2016; Шамсутдинова Н. К. Демографические процессы в Башкортостане в 1970—2002 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Уфа, 2013.

демографии посвящены диссертационные работы В. Т. Сакаева, А. А. Мальцева, Е. Г. Богдановой¹.

Таким образом, анализ историографии говорит об активном изучении демографических проблем и процессов в 1920—1930-е гг. Однако ряд вопросов этого периода не получил достаточного освещения, особенно региональная история демографического развития России. Проблема демографических процессов на Южном Урале в 1920—1930-е гг. требует дальнейшего исследования.

Целью исследования является изучение демографических процессов на Южном Урале во второй половине 1920-х — 1930-е гг. В соответствии с целью исследования определены его **задачи**:

- выявить изменения численности и состава населения Южного Урала во второй половине 1920-х — 1930-е гг.;
- проанализировать основные направления миграционных потоков и динамику механического движения населения;
- исследовать динамику смертности населения, ее причины;
- изучить тенденции рождаемости населения региона;
- раскрыть основные характеристики семейных отношений (браки, разводы).

Методы исследования. В процессе исследования использовался комплекс общенаучных и специальных методов и принципов. Основополагающим в данной работе является принцип историзма. Он позволил рассмотреть особенности демографических процессов на Южном Урале в тесной связи с социально-экономическими и политическими процессами. Опора на принцип объективности дала возможность изучать явления и процессы максимально беспристрастно и непредвзято.

В качестве общенаучных выступили методы индукции и дедукции, сравнения, описания, анализа и синтеза. Индуктивный метод позволил проследить развитие народонаселения на Южном Урале в каждом отдельном субъекте, а дедуктивный — общие результаты в регионе. С помощью метода сравнения были исследованы демографические процессы в трех отдельно взятых административно-территориальных единицах южноуральского региона, а затем выявлены общие черты, исследуемый период был представлен как ежегодно изменяющийся процесс. Описательный метод помог подробно проанализировать проблемы демографического развития южноуральского региона в контексте происходивших реформ сельского хозяйства и промышленности. Метод анализа использовался при изучении архивных источников и литературы рассматриваемого региона и периода, с помощью метода синтеза стало возможно рассмотрение областей Южного Урала как единого целого с общими процессами.

¹ Сакаев В. Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Казань, 2008; Мальцев А. А. Демографические процессы в российской деревне в 1946—1959 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Самара, 2011; Богданова Е. Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2012.

Наряду с общенаучными были использованы частнонаучные методы исторических и экономических исследований. Проблемно-хронологический метод обусловил рассмотрение демографических процессов в контексте влияния параллельных исторических событий; сравнительно-исторический метод позволил провести анализ каждой административно-территориальной единицы изучаемого региона как по отдельности, так и в сопоставлении. Статистический метод дал возможность математически точно представить численность населения Южного Урала в 1920-х — 1930-е гг. Комплексное использование методов способствовало реализации цели и задач исследования.

Источниковая база. Для решения поставленных задач был привлечен широкий круг источников: неопубликованные документы центральных и местных архивов, опубликованные документы, нормативно-правовые акты, статистические и административно-территориальные сборники, периодическая печать.

Неопубликованные источники. В работе использовались центральные и региональные архивные фонды. Всего было исследовано десять фондов трех центральных и шести областных архивов. Из центральных архивов привлекались материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Из региональных — Национального архива Республики Башкортостан (НАРБ), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Оренбургского государственного архива социально-политической истории (ОГАСПИ), Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО).

Статистика здравоохранения и правила учета населения представлены в фонде ГАРФ (Ф. 8009). Докладные записки и письма крестьян, а также заседания областных и краевых партийных ячеек хранятся в фондах РГАСПИ (Ф. 17, 78, 631). Статистические отчеты о естественном и механическом движении населения представлены в РГАЭ (Ф. 1562). Были проанализированы документы, раскрывающие работу партийных организаций областей, районов, городов по учету естественного и механического движения населения, которые отложились в ГАОО (Ф. Р-1003, Р-1014). Материалы, хранящиеся в фонде ОГАСПИ (Ф. 371), содержат информацию о действиях местных органов власти по вовлечению населения в колхозный строй. Кроме того, в документах ОГАСПИ имеются сведения о периоде голода 1932—1933 гг. Важнейшие данные о демографической ситуации в Челябинской области обнаружены в фонде Р-485 ОГАЧО. Материалы этого областного архива дают сведения о здравоохранении, изменениях в естественном и механическом движении населения. В фондах НАРБ (Ф. Р-472) содержатся отчеты, статистические данные и другие материалы, касающиеся народонаселения Башкирии, особен-

ностей национальной, политической и социальной стратегии региона в исследуемый период.

Изучение этих материалов позволяет понять, каким образом проходил учет населения в 1920—1930-е гг.

Исследователи считают, что расчеты естественного прироста ближе к действительности, чем механического движения (миграционные процессы). Особенно это касалось внутренней миграции: переселенцы или просто выбывшие на время жители нередко оказывались учтенными и в местах прибытия и в местах выхода или совсем не учитывались.

Опубликованные источники представляют собой сборники документов, законодательных актов, а также сборники по истории южноуральского региона и СССР в целом. В первую очередь необходимо отметить результаты переписей населения.

Первая Всесоюзная перепись населения была проведена в 1926 г.¹, ее отличали всесторонний охват характеристик населения, максимальный учет жителей с допустимыми в статистике погрешностями. В период «перестройки» были раскритикованы результаты переписи 1937 г. Благодаря работе ряда отечественных историков опубликованы сохранившиеся сведения этой переписи². Последняя предвоенная Всесоюзная перепись населения была проведена в 1939 г.³ Она проходила под лозунгом «не пропустить ни одного жителя» и отличалась высоким уровнем точности.

Следует отметить серию исследовательских и документальных публикаций издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы⁴, А. Береловича, В. П. Данилова⁵, В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого⁶, серию изданий «Россия. XX век. Документы»⁷. Особый интерес представляют сборники документальных материалов «Трагедия советской деревни.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года : в 56 т. М., 1928—1935.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сб. док. и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М., 2007.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия / гл. ред. С. В. Цветков. СПб., 1999.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 4. 1934—1936. М., 2002.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: 1918—1939: Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова ; Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция). М., 2000.

⁶ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. : сб. / сост. В. П. Данилов ; под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989.

⁷ Голод в СССР. 1929—1934 : в 3 т. / ред. кол.: В. В. Кондрашин (отв. ред.) [и др.]. Т. 1, кн. 2 : 1929 — июль 1932. М., 2011. (Россия. XX век. Документы); Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. (Россия. XX век. Документы).

Коллективизация и раскулачивание» и «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД», включающие документы архивов ФСБ о насильственном проведении коллективизации в деревне. В 2003 г. издан сборник документов «Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936» под редакцией академика А. Н. Яковлева.

Значительную работу по вовлечению в научный оборот новых комплексов исторических источников путем публикации документов проводят уральские ученые. Это сборник «Продовольственная безопасность Урала в XX веке»¹, подготовленный в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН под руководством профессора Г. Е. Корнилова и доктора экономических наук В. В. Маслакова. В 2005 г. вышел сборник документов и материалов «Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928—1934 гг.»², где раскрываются процессы, происходившие в аграрном производстве региона, и демографическая ситуация.

Значительно обогатить фактологическую базу исследования помогли статьи, опубликованные на страницах газет и журналов. В работе использовались материалы центральной газеты «Известия» и местных периодических изданий «Смычка» (Чкаловская область) и «Красная Башкирия» (Башкирская АССР)³.

Совокупность перечисленных видов источников, касающихся основных тенденций демографии в 1920—1930-е гг., критический анализ документов помогли достаточно полно осветить основные проблемы и решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна исследования. Впервые в рамках обобщающей работы раскрыта региональная специфика демографических процессов на Южном Урале в 1920—1930-е гг. Систематизированы статистические данные о естественном и механическом движении населения. Выявлены данные, характеризующие национальный, возрастной, половой состав населения региона. Проанализированы вопросы динамики смертности, рождаемости, брачности и разводимости в исследуемый период. В научный оборот введены новые архивные документы и статистические материалы, ранее не привлекавшиеся историками. Обобщен статистический материал по численности и структуре населения, показана роль миграционного фактора в демографическом развитии изучаемого региона.

¹ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Т. 2. Екатеринбург, 2000.

² Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928—1934 гг. : сб. документов и материалов / сост. Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов. Т. 1. Оренбург, 2005. 285 с.

³ Известия / учредитель: Центральный исполнительный комитет СССР; Смычка (Оренбургская коммуна, Чкаловская коммуна) / учредители: Оренбургский окружком ВКП(б), окрисполком, окрпрофбюро и горсовет; Красная Башкирия / орган обкома ВКП(б), ЦИК и Совета профсоюзов Башкирской АССР.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Динамику численности населения, наблюдаемую с 1926 по 1939 г. на территории Южного Урала, можно представить как волнообразную. Демографические изменения, происходившие в городских и сельских местностях, свидетельствуют о влиянии экономических и социально-политических факторов на народонаселение. Снижение численности населения региона к началу 1930-х гг. было связано, во-первых, с голодными 1932—1933 гг., которые привели к росту смертности, резкому снижению рождаемости. Внутренние факторы, такие как рост образованности населения, национальные традиции, предпочтения в браке, религиозное мировоззрение, также влияли на динамику демографических процессов. Со второй половины 1930-х гг. наблюдается рост численности населения региона, вызванный проводимой партией политикой, направленной на стимулирование деторождения и укрепление семьи.

2. Механическое движение населения было одним из факторов, определивших демографическую обстановку на Южном Урале. Все миграционные процессы, происходившие в 1920—1930-е гг., условно можно поделить на добровольные и принудительные. Проводимая политика индустриализации осуществлялась за счет деревни, поэтому в изучаемый период наблюдается рост численности городского населения. Особенно быстро росло население Челябинской области, которая представляла собой индустриальный центр. К началу коллективизации механические передвижения населения активно шли в связи с индустриализацией, к концу рассматриваемого периода наблюдается постепенное замедление темпов миграций, обусловленное контролем государства над миграционными процессами и плановым распределением рабочей силы. Все передвижения имеют ярко выраженную тенденцию в сторону больших городов и строящихся заводов. Сильное влияние на механическое движение населения оказал голод 1932—1933 гг., когда люди стремились в города в поисках пищи и спасения.

3. Главным фактором, определяющим динамику численности населения Южного Урала в 1920—1930-е гг., являлась смертность. Высокие показатели смертности по региону, особенно в Челябинской области, занимавшей одно из первых мест по стране, были связаны с голодом 1932—1933 гг., который унес огромное количество человеческих жизней, повлиял на демографическое поведение и здоровье нескольких поколений людей. Смертность изменялась волнообразно, но продолжала оставаться на высоком уровне. Небольшой спад ее показателей наблюдался во второй половине 1930-х гг., но к концу исследуемого периода они вновь возрастают. Младенческая смертность в регионе на протяжении 1930-х гг. занимала почти треть от общего числа смертей, продолжала оставаться высокой и оказывала значительное влияние на сокращение населения.

4. Важные изменения на Южном Урале претерпела рождаемость. Особенно высокие показатели рождаемости наблюдались на территории Башкирской АССР,

что объясняется этноконфессиональными особенностями данной республики. В 1930-е гг. начинается рост рождаемости в городах, обусловленный перемещением людей детородного возраста из сел в города на стройки индустриализации. Значительным фактором в изменении показателей рождаемости явился закон о запрещении аборт, который, с одной стороны, увеличил число рождений, с другой — число «подпольных» абортов, которые имели пагубные последствия для материнского организма. В СССР большое внимание уделялось охране материнства и детства.

5. Брачно-семейные показатели на Южном Урале были традиционно высокими. Это связано с патриархальным отношением к семье в 1920—1930-е гг., сознательным матримониальным поведением людей, большая семья все еще являлась правилом. Широкую популярность в рассматриваемый период приобретают незарегистрированные браки, поэтому установить точное количество семей в регионе не представляется возможным. На Южном Урале в 1920—1930-е гг. высокий уровень брачности отмечался в сельской местности. Одновременно повсеместно прослеживается тенденция разводимости, но ее уровень по сравнению с брачностью значительно ниже. Основная доля разводов приходилась на бездетные или семьи с одним ребенком.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории демографических процессов, пособий для студентов исторических факультетов, при подготовке спецкурсов по демографии Южного Урала в 1920—1930-е гг.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на международных, межрегиональных, всероссийских и региональных конференциях в Оренбурге (2014, 2016 гг.), Самаре (2015 г.), Актыбинске (2016 г.). Основное содержание диссертации отражено в 18 научных публикациях автора, в том числе в семи статьях в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и одной статье в журнале, включенном в Web of Science. Соискатель является победителем оренбургского конкурса областных грантов в сфере научной и научно-технической деятельности 2017 г.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

Основное содержание диссертации

Во **введении** раскрыта актуальность темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки, показана степень изученности проблемы, охарактеризована источниковая и методологическая

база, установлена научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, даны основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Динамика численности, состав и механическое движение населения Южного Урала во второй половине 1920-х — 1930-е годы» представляет анализ причин динамики народонаселения, характеризует основные направления миграций на Южном Урале.

В параграфе 1.1 «Динамика численности: внешние и внутренние факторы, состав населения» раскрываются особенности воздействия внешних и внутренних факторов на изменения численности и состава населения. Причиной динамичности демографических процессов во второй половине 1920-х — 1930-е гг. были глобальные реформы в стране, такие как индустриализация и коллективизация, изменения призывного возраста и сроков службы в армии, а также введение запрета на аборты. Между областями Южного Урала и соседними шли постоянные административно-территориальные деления.

С учетом территориальных изменений согласно переписи 1926 г. количество населения Южного Урала составляло 6 411 608 человек, из них мужчин 47,02%, женщин 52,98%¹. Среди административных единиц Южного Урала по численности населения в 1926 г. лидировала Башкирия с населением 2 547 261 человек, или 39,73%, затем Челябинская область 2 364 816, или 36,88%, Оренбургская область 1 499 531, или 23,39%. Во всех трех рассматриваемых субъектах женское население преобладало над мужским. В Башкирии мужского населения насчитывалось 47,22%, женского 52,78%, в Оренбургской области — соответственно 47,08%, 52,92%, в Челябинской области — 46,76%, 53,24%.

Население административных центров по переписи 1926 г. составляло в Челябинске 56 307 человек, в Оренбурге 123 283, в Уфе 98 537².

Если рассматривать категории населения Южного Урала на момент переписи 1926 г., то сельское население намного превышало городское³. В Башкирской АССР численность городского населения составляла 9,04%, сельского 90,96%, в Оренбургской области — соответственно 14,19 и 85,81%, в Челябинской области — 16,47 и 83,53%, на Южном Урале в целом — 12,99 и 87,01%.

Существенное снижение численности населения Южного Урала в начале 1930-х гг. стало результатом голодных лет⁴. Численность населения по переписи 1937 г. составила в Оренбургской области 1 566 010 человек, среди них мужского населения 46,91%, женского 53,09%. В крупных городах Оренбург и Орск проживало соответственно 155 626 и 61 541 человек. В Башкирской АССР насчитывалось

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 20, 180, 232.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. М., 1999. С. 27, 28.

³ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион... С. 20, 180, 232.

⁴ Кондрашин В. В. Три советских голода // Аграрная и продовольственная политика России в 18—20 вв. Оренбург, 2007. С. 389.

населения 2 956 778 человек, мужчин 46,8%, женщин 53,2%, в Уфе — 216 449. В Челябинской области численность населения по переписи 1937 г. составляла 2 768 565 человек, мужчин 46,71%, женщин 53,29%. Население Челябинска — 256 871, Магнитогорска — 152 385, Златоуста — 96 134 человека¹.

Таким образом, в численности населения Южного Урала к середине 1930-х гг. происходят определенные изменения. По сравнению с 1933 г. в Оренбургской области население сократилось на 44 690 человек, в Челябинской области — на 123 735, а в Башкирии возросло на 202 778.

По результатам переписи 1939 г.² количество населения Южного Урала составляло 7 637 490 человек, из них в Башкирской АССР проживало 3 158 969 человек (41,36%), в Челябинской области — 2 801 853 (36,69%), в Чкаловской области — 1 676 668 (21,95%). Женское население преобладало над мужским в регионе на 5,74% (52,87 и 47,13%), в том числе в Башкирии — на 5,42% (52,71 и 47,29%), в Чкаловской области — на 5,4% (52,7 и 47,3%), в Челябинской области — на 6,3% (53,15 и 46,85%).

Согласно результатам переписи 1939 г. городское население Южного Урала составляло 27,53%, сельское 72,47%. Население административных центров в конце исследуемого периода возросло в Челябинске до 273 116 человек, в Чкалове до 171 726, в Уфе до 250 011³. Категории населения по административно-территориальным единицам Южного Урала на момент переписи 1939 г. различаются. Так, в Башкирии городского населения насчитывалось 17,1%, сельского 82,9%, в Чкаловской области — соответственно 22,66 и 77,34%, в Челябинской области — 42,19 и 57,81%⁴.

Внутренние факторы, такие как национальная принадлежность, уровень образования, влияли на численность населения, способствовали переходу к плановому деторождению и увеличению возраста вступления в брак. Внешние факторы — урбанизация, коллективизация, индустриализация, голод 1932—1933 гг. — стали причиной сокращения численности сельского населения и способствовали увеличению городского.

Параграф 1.2 «Механическое движение населения: направления миграций и механический прирост» раскрывает причины и основные направления миграций населения. Механическое движение населения — перемещение людей через границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства на более или менее длительное время или навсегда. По территориальным направлениям миграционных потоков различают внешнюю (за пределы страны, региона, области) и внутреннюю (внутри конкретной территории) миграции⁵. Причинами миграции

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги : сб. док. и материалов. М., 2007. С. 44—45, 63.

² Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион... С. 20, 180, 232.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. М., 1999. С. 27, 28.

⁴ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 20, 180, 232.

⁵ Ключкова М. С. Демография. М., 2006. С. 164.

населения в этот период можно считать повышение квалификации, обучение и работу в городах, отходничество из сел в города на строительство крупных объектов индустрии (оргнабор), направление специалистов в создаваемые колхозы, принудительное выселение (раскулачивание, депортация), бегство крестьян от голода 1932—1933 гг., от коллективизации или от раскулачивания. Самые масштабные миграционные потоки направлялись в Челябинскую область — центр индустриализации Южного Урала и страны в целом. Внутренние миграционные процессы были характерны для аграрных субъектов — Башкирии и Чкаловской области. Южный Урал был вовлечен в механическое движение населения страны, поэтому сюда направлялись спецпоселенцы. Основными направлениями миграционных потоков за пределы региона были близко расположенные Куйбышевская, Курганская, Свердловская области, из союзных республик предпочтение отдавалось Казахской ССР, Украинской ССР, Белорусской ССР.

Во второй главе «Естественное движение населения Южного Урала во второй половине 1920-х — 1930-е годы» рассмотрены основные причины изменения естественного прироста населения.

Параграф 2.1 «Смертность, влияние экзогенных и эндогенных факторов на ее показатели» посвящен анализу основных причин высокой смертности на Южном Урале, роли политики партии в ее уменьшении. Смертность — процесс вымирания поколения, складывающийся из массы единичных смертей, наступающих в разных возрастах. Согласно демографическому анализу, причины смертности делятся на две группы — эндогенные и экзогенные.

Причиной высокой смертности в начале 1930-х гг. был голод 1932—1933 гг. и его последствия. Во второй половине 1930-х гг. изменения, сопровождающие тенденции смертности, можно назвать волнообразными. Так, в 1935—1936 гг. происходит рост смертности населения в 1,3 раза, в 1937—1938 гг. — сокращение в 1,2 раза, к концу исследуемого периода снова наблюдается рост в 1,1 раза.

Смертность в сельской местности была значительно выше, чем в городах, поэтому серьезную роль в изменении показателей смертности в регионе в 1930-е гг. сыграла именно деревня. Это связано с трудностями уклада и образа жизни, отсутствием квалифицированной медицинской помощи и количественным составом населения.

Сравнение смертности в городах Южного Урала дает следующие результаты. В 1935 г. в городах умерло 35 125 человек, из них в Башкирии 22,16%, в Оренбургской области 20,17%, в Челябинской области 57,67%. В 1936 г. умерло 44 805, в башкирских городах 22,07%, в чкаловских 16,96%, в челябинских 60,97%. В 1937 г. смертность в городах Южного Урала составила 50 183 человека, в Башкирии 22,13%, в Чкаловской области 16,07%, в Челябинской 61,8%; в 1938 г. — 44 949 человек, в Башкирии 24,2%, в Чкаловской области 17,7%, Челябинской области 58,1%; в 1939 г. — 46 713 человек, в том числе в Башкирии 24,26%, в Чкаловской области 17,13%, в Челябинской области 58,61%.

Таким образом, с 1936 по 1937 г. наблюдается увеличение смертности городского населения по всем субъектам Южного Урала, в 1938 г. — небольшое снижение, а в 1939 г. снова рост, при этом большая часть смертей приходилась на города Челябинской области, где городское население было самым многочисленным в регионе из-за строек первых пятилеток.

В параграфе 2.2 «Рождаемость и охрана материнства» оценивается реализация на Южном Урале государственной политики в сфере защиты материнства и детства. Рождаемость — это процесс пополнения населения за счет рождений, постоянное возобновление численности и структуры населения¹. В 1920—1930-е гг. в связи с происходившими социальными и политическими изменениями показатели рождаемости резко менялись то в положительную, то в отрицательную сторону. Самое большое количество рождений на Южном Урале традиционно наблюдалось в сельской местности. В начале 1930-х наряду с провозглашенной политикой индустриализации, коллективизации, культурной революции государство выделяло приоритетным направлением и защиту семьи, что привело к компенсаторной рождаемости. В Башкирии с 1928 по 1939 г. рождаемость в городах увеличилась с 6,7 до 14,02%, в Оренбургской (Чкаловской) области с 1935 по 1939 г. — с 15,5 до 19,25%, в Челябинской области с 1933 по 1939 г. — с 23,68 до 39,03%. Рождаемость в городе и селе резко различалась как по количеству, так и по периодам спада и роста. Так, в 1937 г. в южноуральских селах наблюдалось некоторое снижение рождаемости по сравнению с предыдущими годами, в городах, напротив, рождаемость повысилась. В селах Южного Урала с 1935 по 1936 г. рождаемость увеличилась на 26 019, с 1936 по 1937 г. уменьшилась на 23 814 по сравнению с 1937 г., в 1938 и 1939 г. она увеличивается на 12 783 и 21 319 соответственно. В городах Южного Урала несколько иная тенденция рождаемости: с 1935 по 1937 г. наблюдался рост, затем в 1938 и 1939 гг. небольшое снижение. Таким образом, в 1935 г. рождаемость в сельской местности Южного Урала была выше, чем в городской, в 4 раза, в 1936 г. — в 3,7 раза, в 1937 — в 2,8 раза, в 1938 — в 2,9 раза, в 1939 — в 3,1 раза². К концу исследуемого периода на Южном Урале рождаемость постепенно увеличивается, компенсируя естественное движение населения.

Параграф 2.3 «Семья: брачность и разводимость» посвящен анализу числа заключенных браков и разводов, роли семьи в воспроизводстве населения, влияния государственной политики на постепенную нуклеаризацию. Воспроизводство населения напрямую зависит от количества семей, так как семья является основой общества, которая регулирует демографическую ситуацию в стране. На Южном Урале во второй половине 1920-х — 1930-е гг. брачность изменялась под влиянием

¹ Демографический понятийный словарь. М., 2003. С. 130.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44. Л. 98—100 об., 101, 102, 103, 107—109 об.; Д. 60. Л. 46, 47, 48, 103, 103 об., 104—105 об., 109—111 об.; Д. 85. Л. 115, 116, 118, 160, 161, 165, 176, 177, 179; Д. 124. Л. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 156; Д. 152. Л. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

внутренних и внешних факторов. В 1935 г. количество заключенных браков в регионе составляло 58 267, из них в Оренбургской области 23,99%, в Башкирии 37,42%, в Челябинской области 38,59%. В 1936 г. зарегистрировано браков на Южном Урале 63 864, из них в Оренбургской области 25,01%, в Башкирии 33,68%, в Челябинской области 41,4%. В 1937 г. на Южном Урале было заключено 45 146 браков, из них в Оренбургской области 26,16%, в Башкирии 33,61%, в Челябинской области 40,23%. В 1938 г. брачность составила 102 122, в том числе в Башкирии 40,33%, в Челябинской области 35,38%, в Чкаловской области 24,29%. В 1939 г. заключено браков 86 208, из них в Чкаловской области 25,93%, в Башкирской АССР 40,75%, в Челябинской области 33,32%¹. С 1935 по 1937 г. лидирует по количеству браков Челябинская область, с 1938 по 1939 г. первое место по брачности в регионе занимает Башкирская АССР. Таким образом, к концу исследуемого периода количество браков увеличивается.

Традиционное отношение к семье в 1930-е годы не исключало разводов. В 1935 г. на Южном Урале было зафиксировано 14 122 развода, в сельской местности их было в 2,3 раза больше, чем в городской. В 1936 г. разводов зафиксировано 9967, в селах больше, чем в городах, в 2,2 раза, в 1937 г. — в 2 раза, в 1938 — в 2,1 раза, в 1939 — в 2,2 раза². Для предвоенных 1930-х гг. характерны высокие показатели заключения браков и низкие по разводимости. Значительное распространение в этот период получают незарегистрированные браки, что объясняется отсутствием сельсоветов в некоторых колхозах, ментальностью сельского населения. Незарегистрированные браки, семьи с одним ребенком и бездетные чаще распадались. Причинами чаще всего выступали уход в города в период индустриализации, смена образа жизни (обучение, повышение квалификации и др.).

В **заключении** подводятся итоги и формулируются общие выводы диссертационного исследования, которые нашли отражение в основных положениях, вынесенных на защиту.

Приложения содержат 18 таблиц, 16 диаграмм.

Публикации автора по теме диссертационного исследования

Публикации в изданиях из перечня Web of Science и Scopus

1. Azhigulova A. I., Khisamutdinova R. R. Demographic Processes in the Southern Urals in 1920s—1930s // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 480—493.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 40. Л. 3, 22; Д. 72А. Л. 49, 50, 51, 106, 107, 108, 112, 113, 114; Д. 102. Л. 83, 84, 86, 113, 114, 118, 129, 130; Д. 124. Л. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 156; Д. 152. Л. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 40. Л. 31, 40; Д. 72. Л. 93, 94, 95, 96, 97, 98, 125, 126, 127; Д. 106. Л. 75—77 об., 105, 106, 107, 114—116 об.; Д. 124. Л. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 156; Д. 152. Л. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

2. Ажигулова А. И. Эпидемические заболевания в оренбургской деревне, повлиявшие на демографическое положение населения в 1930-е годы // Клио. 2016. № 3 (111). С. 124—128.
3. Ажигулова А. И. Миграционные процессы в Оренбургской области в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 58—73. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/6_20_2016.pdf.
4. Ажигулова А. И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 1 (121). С. 94—99.
5. Ажигулова А. И. Семейно-брачные отношения на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 2 (122). С. 73—78.
6. Ажигулова А. И., Хисамутдинова Р. Р. Младенческая смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2017. Т. 9, № 4. С. 92—107.
7. Ажигулова А. И. Голод 1932—1933 гг. на Южном Урале как один из факторов изменения численности населения // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2017. Т. 9, № 4. С. 377—394.
8. Ажигулова А. И., Кукаева Д. К. Эпидемическая обстановка и роль санитарного просвещения населения Южного Урала в 1920—1930-е гг. // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2018. Т. 10, № 1-2. С. 12—26.

Другие статьи и материалы конференций

9. Ажигулова А. И., Хисамутдинова Р. Р. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 1 (9). С. 105—111. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf.
10. Ажигулова А. И. Влияние голода 1932—1933 годов на механическое движение оренбургской деревни // Молодежь. Наука. Будущее : междунар. студ. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. С. 100—102.
11. Ажигулова А. И., Хисамутдинова Р. Р. Влияние экзогенных факторов смертности на изменение численности сельского населения Оренбургской области в 1930-е годы // Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение. Оренбург : ОГАУ, 2014. С. 259—263.
12. Ажигулова А. И. Рождаемость и охрана материнства в СССР в 1920—1930-е годы на примере Оренбургской области // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы науч.-практ. конф., посвящ.

70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2015. С. 7—9.

13. Ажигулова А. И. История изучения демографических процессов на Южном Урале в 1920—1930-е годы // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ : сб. материалов XI Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (15 мая 2015 г., Самара, СамГТУ). Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2015. Вып. 3. С. 43—46.

14. Ажигулова А. И. Смертность среди сельского населения Оренбуржья и Башкирии в 1930-е годы // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-методолог. семинара (Самара, 26—27 окт. 2015 г.). Самара : Медиа-Книга, 2015. С. 92—96.

15. Ажигулова А. И. Семейно-брачные отношения в Оренбургской области в 1930-е годы // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 287—289.

16. Ажигулова А. И. Семейно-брачные отношения в Оренбургской и Челябинской областях в предвоенные годы // Великая Отечественная война — героическая и трагическая страницы в истории советского народа : междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 14—15 июня 2016 г. : сб. статей / ред. кол.: В. А. Лабузов [и др.]. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 16—19.

17. Ажигулова А. И. Голод 1932—1933 годов в Оренбуржье // Кадырбаевские чтения-2016. V Междунар. науч. конф. Актобе, 2016. С. 336—338.

18. Ажигулова А. И. Коллективизация как причина роста миграции и изменения численности населения на Южном Урале // Россия в условиях кризисов XIX—XX веков. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы : сб. статей : в 2 т. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2017. Т. 1. С. 13—18.